

Искусство историки, или сочинение о природе историки и истории с рекомендациями, как писать историю, - общие размышления

Герар Йохан Фоссий

Аннотация: Герар Йохан Фоссий (латинизированное имя Геррита Янсона Фоса) - голландский филолог, богослов и историк (1577- 1649), принадлежащий, наряду с Г. Гроцием и Уитенбергом к кругу последователей протестантского богослова Я. Арминия, в качестве ремонстрантов игравших, в 1610 – 1619 г. важную роль и в политической жизни Голландии. Фоссий в отличие от своих друзей посвятил себя в основном академическим занятиям. Его отец, Ян Фос был протестантским пастором. Преследуемый правителем Рейнской области, переселился в деревню близ Гейдельберга, где родился Герар. Не ужившись с тамошними правоверными лютеранами, Ян Фос переселился в Голландию, где после обучения в Лейденском университете на богословском факультете стал пастором в Дордрехте. Герар начал своё обучение там же, а в 1595 г. перевёлся в Лейден, где встретил Гуго Гроция, ставшего его другом на всю жизнь. Там Герар изучал классические предметы, древнееврейский язык, церковную историю и богословие. В 1600 г. он основал в Дордрехте латинскую школу, где преподавал также философию и историческое богословие. В 1614 - 1619 гг. он руководил латинским колледжем при Лейденском университете. В эти годы он получил большую известность как наставник не только в Нидерландах, но и во Франции и Англии. Эта репутация позволила ему избежать преследований в период религиозного противостояния, завершившегося Дордрехтским собором. В следующем, 1620, году он опубликовал работу «История пелагианства». В 1622 г. Фоссий был назначен профессором риторики и хронологии, а потом и древнегреческого языка в университете Льежа (Лугудуна Батавского). Благодаря своим многосторонним связям с Англией он был приглашён в Кембриджский университет и далее в Оксфордский, где сотрудничал с Томасом Фарнаби. В 1632 г. с разрешения короля Карла Первого Фоссий вернулся в Нидерланды, и поселился в Амстердаме, где основал «Клуб почётных афинян» и был там до конца своих дней профессором истории. Фонд его имени (Центр для изучения истории и гуманитарных наук) существует в Амстердаме до сих пор. Книга Фоссия насыщена сообщениями о ныне забытых или почти забытых историках и их концепциях. Мы старались их представить в комментариях, хотя поиски не всегда увенчивались успехом.

Ключевые слова: Герар Фоссий, историка, история

Перевод с латыни и комментарии: *Лаврентьев В.С., lavrsv4@gmail.com*

Перевод выполнен по изданию: Gerardi Johanis Vossii Ars historica sive de historiae et historices natura historiaeque scribende praeceptis commentatio. Amstelodami Ex Typographie P.et J. Blaeu, prostant apud Jansonio Waes bergius a sommeren et Goethals MDCLXXXIX // G. J. Vossius. Opere. V. 4. P. 1 – 48.

Почтеннейшему Йохану Берку. Почётному всаднику настоятельное послание. Высшим чинам совета сенаторов Голландии. Полномочному присутствию Бельгийского совета к послу сиятельной Венецианской республики.

Нет ничего более полезного для человеческого рода, чем учёные, умножающие достижения мудрости, и история для этого - прекрасное поприще. В самих различных формах изложения представлено всё разнообразие человеческого ума, которое не нуждается в дальнейшем в сомнительных цветистых объяснениях, как природного, так и мыслительного свойства. Конечно, это не так уж мало: созерцать мироздание в целом или отдельные общества, наблюдать движения человеческих душ, сравнивая различные художественные и научные подходы, заимствованные нами от великих предков. Издалека многие истины видятся по другому. Любая история может однажды быть забыта: человек не столь могущественен, чтобы построить нечто, что будет действовать всю его жизнь. Об этом свидетельствуют благородные слова Сократа: можно выдвигать много предпосылок – то же, что скреплено пером, – будет расцветать вечно. Поэтому я полагаю, что мне не возбраняется обратиться к живым историческим примерам. Я вознамерился привести историю греков и римлян - поскольку она предшествовала тому, что происходит в наше время, и у них приводится самое основное – соображения о природе истории и что предшествует нашим нынешним представлениям. Как говорит мудрейший Плиний о приятном способе написания истории: «История - это определённый вид занимательного сочинения: оно не измеряется тем, что приятно людям и удобно обществу; не исключает никакой пользы в том, что дано от природы, и тогда уже, обобщив это в сочинении, возможно полнее рассказать, что произошло на самом деле и каков трудный путь в успеху и к обретению добродетели и истинной веры

- и в конце красиво изложить всё это¹. Неустанно собирать факты, которые могут быть здесь усмотрены, и всё, что мне откроется, будь то из непосредственного наблюдения, будь то из книг, мне любо; но как здесь заранее предотвратить ошибки? Каков бы ни был момент универсального времени, тебя затронувший, и побудивший к этому благородному занятию, — надо, и не абы как, подобно Суффену², наудачу, но в целом описать обстоятельства его жизни в письменной истории, но и обдумать, кто из моих предшественников походил на меня и тех основных, над чьими суждениями я буду размышлять: частью о победоносном воодушевлении их душевного состояния, и согласно рассказам, сведущих в гражданском устройстве, которые ранее умело, со знанием дела уже были описаны, и которые блистательно заявили о себе в государственных делах. Что здесь наиболее достойно похвалы? Что здесь уместно упомянуть. как особенное, с чем бы ты хотел связать своё имя? Прежде всего, это наше своё, исконное, выдающееся и стремящееся далее, важно для изучения и предваряет любую науку о законах, исполненных смелостью, должных воспламенить сердца правителей Батавии³ живым стремлением и проницательностью, позволяющим им избежать невежества в управлении. Нет уголовного трибунала лучше, чем избранного на тридцать лет, и собирать из учёных мужей, искусных в своих знаниях, для того, чтобы он мог быстро решать вопросы. Особенно бережно надо относиться к религиозному укладу, обеспечивающему мир и спокойствие: некоторые избранные граждане, прославившиеся в делах мира, войны, разумного устройства государства, должны быть почитаемы. Города в нашей стране не проявляют особой доблести; но в первую очередь должен быть наведён порядок в вероисповеданиях; однако должны быть призваны и те инстанции, которые не столь очевидны: необходимо избрать полномочный совет Бельгийской федерации, и, создав совет старейшин, которые имеют доступ к сложным вопросам, и смогут их разрешить. Наряду с ними надо советоваться с наиболее влиятельными британцами, прежде всего, с королём Яковом I⁴ и подобными ему мужами, которые только украсят его. В этой роли смотрятся также датский и норвежский короли, в особенности Кристиан IV⁵, их число можно расширить, призвав достойнейших властителей из рода Клеве⁶, пусть негласно - и почему не членов Высшего совета (дожей) Венецианской республики, чей способ

¹ Имеется в виду Плиний Младший (61 или 62 – ок. 114), скорее всего его Письма. См., например, письмо Титинию Капитону: «Ты уговариваешь меня заняться историей, и уговариваешь не один: многие часто убеждали меня в том же, и я сам этого хочу - не по уверенности, что напишу хорошо (думать так, не испытав своих сил, безрассудно), а потому, что, по-моему, так прекрасно не допустить, чтобы бесследно исчезли люди, которым должна быть уготована вечность... Достаточно того, что обещает, пожалуй, одна история. Речи и стихи доставляют удовольствие, если они совершенны; историю, как бы она ни была написана, читать приятно. Люди по природе своей любознательны; и ничем не прикрашенное знакомство с фактами прельщает даже тех, кто с удовольствием слушает болтливые небылицы» (Письма Плиния Младшего. М., 1982 (<http://krotov.info/acts/02/01/pliny.html>). - Дата обращения 12. 12. 2017). Фоссий часто называет произведения теми именами, которые бытовали в его время, не во всем совпадающими с упоминаемыми в нашей литературе. К сожалению, мы не все цитаты сумели найти, за что приносим извинения читателю.

² Суффен — один из римских поэтов, современник Катутла.

³ Старое название Нидерландов.

⁴ Король Англии в 1603 - 1625 гг. из династии Стюартов.

⁵ Король Дании и Норвегии в 1588 - 1648 гг.

⁶ Герцогство на северо-западе Германии.

действий отвечает самым высоким требованиям, сочетая традиции и современность Их пребывание на постоянной основе, конечно, невозможно, они поостерегутся, но, возможно, что это осуществится в будущих поколениях. Пока же нечем похвалиться: среди бельгийских законодателей нет значительных величин, которые могут быть запечатлены на скрижалях истории, мне представляется исключительная возможность привести наиболее благородные примеры этой доблести, достойные твоей и позволяющие предотвратить возможные затруднения. Действительно, можно лишь радоваться тому, что они проявились в определённых местах отдельных книг. И это только подчеркивает их доблесть: речь, прежде всего, о доминиканце Молинусе: истинность и значимость и многосторонность его знаний не подлежит сомнению. Льеж, 6 марта 1623. Ваш скромный почитатель Г.Й. Фоссиус.

Глава первая

Историка отличается от истории. Историческая истина исконна и укоренена в правде вопреки Сервию и Исидору. Особые суждения Платона и Варрона. История троична. История взывает к тайнам мира, и тем самым она философична. История экзегетична в том, как она выражается и распространяется вширь. История права, анналы и дневники часто имеют разных авторов. Четверичность как путь к познанию истории у древних. Необходимо общее обозрение исторических работ. Патрици ошибается. Апулей восхваляет, Цицерон изобличает, также и Корнифиций. Для истории мало писать только анналы.

Всевозможные старинные подходы к истории должны быть отмечены, будь то прорицания Божье для своего народа (Тертуллиан. «Об увенчании»?⁷) или же высказанное, как у Плавта, в «Привидениях», «Празднествах»⁸ относительно вещей воронов – провозвестников, коршунов или ещё какое-либо выказывание против язычников. Ныне таким образом не вполне законно пользуются, чтобы любое прочитанное и услышанное представить как исключительную предпосылку дальнейшего, каким оно ни было. Но меня здесь занимает не это, а историка (historica), как мыслится историка в каждом отдельном случае. Не нужно приводить много доводов, что историка отличается от истории, в том же смысле, как поэтика от поэзии. Отсюда возникает следующая предпосылка: история создаётся тем же способом, как поэзия. Тем самым, по большому счёту, под историкой подразумевается та же история – таковы эти слова, но не иначе, чем представляется Сервию Гонорату⁹ и Исидору¹⁰. Сама же история, как верно пишет Симпликий¹¹ в начале сочинения «О душе», – разделение на доли образуют предмет, который излагается письменно и

⁷ Скорее всего, это работа «О зрелищах» («De spectaculo»).

⁸ Среди произведений Тита Макка Плавта (ум. ок. 184 г.) сочинения с таким именно названием нет. Но в «Комедиях» часто речь идет о празднествах. См.: *Тронский И.М.* История античной литературы. Л., 1946.

⁹ В его комментариях к Энеиде.

¹⁰ Исидор Пелусиот (IV – V вв.) – отец и учитель Церкви. См. его «О том, что лежит на пути течения». Кн. 1 (из трех), гл. 40. См. упоминание о нем ниже.

¹¹ Симпликий (ок. 490 – 560) – античный философ-неоплатоник, принадлежавший к Афинской школе неоплатонизма.

осмысливается. Очевидно, что таким образом возникает последовательность. далее образующая и историю. Платон в своём «Кратиле» говорит о луче света, пролагающего путь в темноте, и, как это прослеживали в древности, за всеми этими поворотами стоит Юпитер. Зачастую не учитывают – что именно сказал Платон, что же искажается во вполне добросовестных сочинениях Варрона¹². Историка, как уже говорилось, возникла из письменных жизнеописаний. Если история говорит многими голосами, всё же в первую очередь слышен тот, который осмыслен. Как говорит философ¹³: прежде, чем говорить, нужно научиться правильно произносить слоги.

Из этого определяется и предмет истории: любая малость в данном случае может стать действенной. Он, предмет, - то единичный, то всеобщий. Его надо рассматривать с двух сторон: как всестороннее воспоминание Минервой того, что произошло в каждом отдельном случае, или как то, что чётко отслеживает причины. Единичное подвластно Богу и воплощается в Природе и вовсе не сводится к данному случаю или стечению обстоятельств, наводнениям или катастрофам - речь идёт о воле самих людей, о произошедшем; о структурах, отдельных устройствах и иных внеположных вещах; или, наконец, о выявлении причин - о странах, городах и побуждениях и намерениях.

Осмысливая всё это в целом история прибегает к различным философским приёмам, в том числе и всеобщего свойства, повествование как изложение происходящего высказывается как единичное - она описывает либо внеположные вещи, либо обращается к определённым предметам, городам, местностям.

История представляется как универсалия, или, по крайней мере, не представляет только единичное, но и всеобщее, примеры этому - Теофраст, который говорит об истории взращивания растений; Плиний - об истории всего мира и Аристотель, говорящий о всеобщей истории вовсе не в том смысле, как об «Истории животных». Впрочем, в своей «Философии» в кн. 1 гл. 1 «О душе» он говорит и о психологии души, не движимой изнутри и не побуждаемой извне истории, как о её неотъемлемом свойстве¹⁴): её тоже можно увещивать, имея в виду происхождение имён, данных издавна, как об этом говорит Симпликий . Но всё это надо внятно произнести, действительно только то, что правильно сказано и изложено в законченном виде и прямо отнесено к истории, в которой все остальные обстоятельства не важны. Плиний справедливо в книге 1. в гл. 3 своей «Естественной истории» пишет: «Наши предпосылки должны исходить из естественности природы, а не из сомнительности права». И поскольку всё исходит от первой, с нее и пишется история – но с другой стороны, к ней меньше обращаются. По определению Аристотеля, [данному в трактате] «О душе», это просто вслушивание, [стремление понять] не только *каким образом*, но и *почему* это происходит. Мы же полагаем, что образование исторического пространство состоит в уточнении определяемого и в его разумном расположении. Об этом пишет Плутарх в книге о Гомере: «Только если есть связность изложения, тогда прослеживается ясный смысл». Юстин Мученик в обращении к правоверным в гл. 60

¹² Марк Теренций Варрон (116 – 27 до н.э.) - римский писатель, автор «Менипповых самир», «О латинском языке» и др.

¹³ Имеется в виду Сенека.

¹⁴ См: *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т.1. М., 1975. С. 379 – 385.

[пишет]: что история есть последовательное расположение всего того, что говорится о существующем положении вещей¹⁵; Тео¹⁶ в «Курсе риторики», предшествующей обучению в университете, пишет: «Иногда из иного сочленения частей рассказа получается иная история». У Исидора Пелусиота в книге 1 «Творений» в гл. 11 [сказано]: «История есть рассказ о происходящем, в котором выявляется, что фактически произошло и как одно от другого отделяется». И то, что ныне не изложено старательно, всё равно откроется для познания позже.

В истинном рассказе важны частности как того, что ниспосылает нам Бог и Природа, так и деяний человеческих: сначала всё же идёт естественная история, потом племя осознаёт, что есть топография; благородный народ, осознающий сам себя, пишет гражданскую историю; сюда же относятся церковные и схоластические [истории], ценные тем, что в них представляется философская жизнь - как они в качестве граждан влияют на государство. В этом случае история становится изложением отдельных событий (уже предполагающих целое), рассеянной мудростью, которая распространяется через отдельные рассказы, через все города, институты и крепости; это могут быть философские суждения, продиктованные мудростью или различными стратегическими планами описания жизней различных людей, мужчин и женщин, стратегического направления. Можно описывать частную жизнь, не касаясь отдельных личностей, как они проживают и старятся. Действительно, при этом упоминается множество имён из самых разных малоизвестных народов и общин. Так излагается история событий - Афин и Рима, равно как и Пелопонесской и Пунических войн.

Почему же множество этих знаний не становится мудростью и не объявляется во всеуслышание? - ведь в неопределённом их множестве возникают противоположения и необходимость сравнивать различные варианты?

Вот суждение Семпрония Аселлиона¹⁷, который «просто описывал ход событий» (Книга 1-я «О примечательных событиях»), которые различаются в «Историях» и «Анналах»: если в истории отмечаются знаменательные события, причина, по какой они произошли, и обсуждается, как эти события происходят, то анналы - это перечисление наиболее знаменательных событий с датировкой того, каким образом действовали великие люди с помощью Божьей. Поэтому греческие «Эфемериды», названные дневником Семпрония Аеллиона (Геллий. Дневник Семпрония Аеллиона. Кн. 5 гл. 19) не относятся ни к истории, ни к анналам. Тацит пишет в кн. 12 «Анналов»: Во-вторых, Нерон, следуя советам Пизона, мало помнил о произошедшем; ничто из излюбленного ранее, из исходных восхвалений, возглашённых на амфитеатре в военных лагерях, возведённых Цезарем на Марсовом поле, - ничто из этого не вошло в письменную историю, как то, что было достойно римского народа; что объявлялось освященным богами¹⁸.

¹⁵ Речь скорее всего идет об «Апологии I» Юстина Мученика. См.: Ранние отцы Церкви. Антология. Брюссель, 1988. С. 330 – 331 и далее.

¹⁶ Тео - к сожалению этот автор остался для нас неизвестным.

¹⁷ Семпроний Аселлион (ок. 160 – после 91 до н.э.) - древнеримский историк и военный деятель.

¹⁸ Ср.: «Консульство Нерона (второе) и Луция Пизона не изобиловало событиями, которые были бы достойны упоминания, - разве что найдутся такие, кто захочет заполнить целые книги восхвалениями воздвигнутого Цезарем на Марсовом поле громадного амфитеатра, его фундамента и употребленных на его сооружение бревен; но всякому понятно, что величие римского народа приличествует, чтобы в

Подобные суждения высказывают Веррий Флакк¹⁹ в «Книге о языковых обозначениях», упомянутых у Геллия в «Аттических ночах»²⁰, Сервий (в кн. 1 о подвигах Энея), [где он пишет о том,] чего недостаёт анналам в целом)²¹ и Исидор (гл. 40 и 44 «Книги о древности»): история есть рассказ о свершающемся, своего рода очевидная картина, которая может быть представлена здесь и сейчас; тем самым этот взгляд реализует нечто из происходящего в целом. Вкратце: так мыслит и Фукидид (т. 1), поскольку более всего историке дали те его положения, где он отличает историю от анналов и говорит о том, что в прежнем состоянии (годовых записей) собственно история была невозможна. Много таких сопоставлений есть у Франческо Патрици в «Диалогах об истории» - в его определении истории как очевидности, как простой тщательности (описания), не подразумевающей самостоятельного движения души¹, понимаемого Галеном как расчленение, которое Секст Эмпирик называет шлифовкой, производимой как бы со стороны и направляющей все силы на то, чтобы представить наиболее ясную картину воспоминаний, которая, собрав воедино все движения души, в дальнейшем будет названа историей.

Гален говорит, что «собирается сразу много жизненных раскрытий, их обсуждают со всех сторон и отвергают то, что не может быть выражено, оценивая при этом практически весь беспорядочный набор этих данных, воспроизведённый со столь же многочисленными искажениями; сами по себе они образуют эмпирическое поле, заслуживающее воспроизведения во всём пространстве, как самостоятельная линия, поскольку они сами по себе уже сохраняются и воспроизводятся как живые единицы, каждая из которых может быть изучена, и в совокупности они составят историю»²². Так же Плутарх в сочинении «О недостатке прорицания» приходит к выводу, что история исходит от богов. Он говорит, что история исходит от богов, но превозносит царей²³. Наиболее отчётливо это выразил А. Турнеб²⁴, [когда писал, что] в первую очередь осознаётся наиболее заметная причина, движущая правителями и направляющая их. В этом же смысле Апулей повторяет утверждение Платона: когда Платон возвратился из Сицилии, мало чего извлеки оттуда, на этот счёт высказывались разные суждения: одни говорили, что главной [причиной поездки для него] была Этна, другие - что ничтожный правитель Дионисий²⁵. Согласно

анналах отмечались лишь наиболее значительные деяния, а все остальное - в "Ежедневных ведомостях" города Рима» (*Корнелий Тацит. Анналы // Корнелий Тацит. Соч.: в 2-х т. Т. 1. Кн. 13. СПб., 1993. С. 226 – 227. Как видим, Фоссий приводит не точную цитату, а пересказывает близко к тексту и ошибся в номере книги: не 12, а 13.*

¹⁹ Веррий Флакк (55 г до н.э 20-й г. н.э.) - римский грамматик и педагог.

²⁰ Авл Геллий (II в.) – римский писатель. «Аттические ночи» - его единственный труд, одно из самых крупных произведений древнеримской литературы. Здесь Фоссий ссылается на гл. 18 кн. 5 «Аттических ночей».

²¹ Мавр Сервий Гонорат (конец IV в.) – римский грамматик, автор комментариев к «Буколикам», «Георгикам» и «Энеиде» Вергилия. Упомянутая книга явно из «Энеиды».

²² Гален (129 – ок. 200) – римский медик, философ. Фоссий ссылается на первый том сочинений Галена в издании дома Альда, существовавшего с 1494 г. по XVI век в Венеции.

²³ Сочинение Плутарха *de oculosom* стоит в ряду сравнительных жизнеописаний правителей моральной оценкой их деятельности.

²⁴ Адриан Турнеб (1512 – 1565) – французский филолог-гуманист и поэт, переводчик

²⁵ См. об этом: *Карпов В.Н. Жизнь и сочинения Платона // Платон. Соч.: в 6-ти т. Т. 1. СПб., 1863. С. 1 – 14. - <https://ru.wikisource.org/w/index.php?title> – дата обращения 13. 12.2017.*

благоприличному Плутарху, историю направляют боги. Солон же говорит, что история определяется накапливаемым опытом – и последнее вернее.

Третье положение выдвигает Цицерон²⁶, а также Корнифиций²⁷, для которых история – описание привходящих вещей, запечатленных нашей памятью, – этот подход обнаруживает вторичность относительно предшествующего. То, как Ливий пишет о Пунических войнах, непохоже на «Историю» Веррия – и, если исходить только из памяти, то побеждает последний, а не Цицерон с Корнифицием. Трактровка Цицерона последним опровергает самого Цицерона. В дополнении к этому можно привести письмо Луция Туллию в книге «О написании истории», где он советует первому, как следует писать историю. И это вовсе не отменяет того, что говорит Цицерон.

По мнению Авла Геллия в гл. 18 «Заметок к истории Аттики»), описание происходящего — это, собственно, и есть история, а конкретная фактология зависит от времени и места. Анналы в целом есть история, но не любое сочетание анналов составляет таковую.

Историка не имеет специального осмысления, которое отдалено от современности – нет чего-то одного, что позволяет видеть всё в целом. В этом отношении, по трактовке Корнифиция, ни Веррий, ни Цицерон не достигают цели; в целом вырабатывается оптимальный модус, который сочетает хронику и иные способы исторического утверждения. Именно поэтому то, что отмечается в истории, какие причины изыскиваются, какие примеры приводятся и что сохраняется в хронике, каков способ описания предполагаемых событий избирается – все это, согласно Мавру Сервию Гонорату²⁸, подводит историю под то определение, которое придал ей Семпроний Аселлион. И уместно будет теперь обратиться к этому предмету.

Глава вторая

Способы развёртывания исторического предмета помимо разумных. Опровержение Дзабареллы²⁹, Варрона, Сисенна³⁰. Хроники жреческих [историй] основываются на письменном изложении жреческих советов. Сюжеты хроник сравниваются у Семпрония Аселлия. История может быть определена как наука или искусство. Секст Эмпирик это опровергает. Уравновешивает эти позиции Пико де[лла] Мирандола.

Когда мы обращаемся к истории, содержащей много неясностей, естественно возникает предмет, называемый *историкой*. Действительно, сначала многое кажется неизвестным и скрыто в искусстве умолчания, представленного Гарпократом, позже

²⁶ См.: Цицерон. О нахождении (у нас – О нахождении материала). См.: Цицерон. Эстетика. Трактаты. Речи. Письма / Пер Г. Кнабе. М., 1994. С. 52 - 56.

²⁷ Квинт Корнифиций (I век до н.э.) – римский военачальник и политик. Переводил греческую риторику на латынь («Риторика для Геренния»). Здесь речь идет о кн. I этой «Риторики».

²⁸ См.: Сервий. Комментарий к Энеиде, к Буколикам, к Георгикам (отрывки) / Пер. С.А. Аннинского, И.Л. Поливанова // Зубов В.П., Петровский Ф. А. Архитектура античного мира. М., 1940.

²⁹ Яков (Джакомо) Дзабарелла (1533 – 1589) – итальянский историк и логик.

³⁰ Луций Корнелий Сисенна (118 – 67 до н.э.) – древнеримский историк и политик, вольноотпущенник Суллы, автор 23-томной, как предполагается, «Истории», от которой сохранились лишь фрагменты. Продолжал произведения Семпрония Аселлиона и, возможно, довел повествование до 78 г.

Хором или Ангероной³¹ священнодействием и молитвой. Также это учение в краткой форме это учение излагает также просвещёнейший учёный нашего времени Якопо Дзабарелла, чьё сочинение по логике, признанное многими, но не содержащее собственно исторической аргументации, представляет лишь «отрезвление, подкреплённое бессодержательными силлогизмами, заимствованными у Хрисиппа³².

У Аристотеля и других философов также нет определения историки. Её, пожалуй, нет ни в одном написанном сочинении. Действительно, мы располагаем давно написанной книгой Лукиана «О написании истории». Наиболее раннее обоснование находится у Дионисия Галикарнасского - о предметности истории и о текстуальности, и у Фукидида, высказывающего своё суждение Гнею Помпею. Для меня несомненно то, что изложено в книге Варрона «Об истории», приписываемое им Сисенне, которая упомянута Авлом Геллием в кн 16. гл. 9 [«Аттических ночей»]. И здесь нельзя не упомянуть трактаты Иовиана Понтана³³, где речь идёт о способе связи событий подобно тому, как располагаются в теле составные части, а также комментарии к этому, данные Ермолаем Барбаром³⁴, Франческо Патрици, Иоанном Антониом Випераном³⁵ Франциском Робортеллием³⁶, Убертом Фолиетом³⁷, Себастианом Фоксом, Вентурой Коеком³⁸ и некоторыми другими. Нет смысла ещё и ещё раз обращаться к наследию древних, чтобы определить, что осталось как исходное основание для *историки*, не видно ли при этом постоянного пространства, образующегося при определённом методе выстраивания событий, подобного живому организму, что и составляет искусство историки? Или же необходимо одно восхвалять, а другое считать несчастливой, чтобы далее рассмотреть их с позиций разума воедино, чтобы усмотреть в них предпосылки отсылающие к целому? Или же история – это беспримесный рассказ о происшедшем за исключением отдельных риторических акцентов, могущих преобразовываться в самостоятельное искусство Мы полагаем, что все тонкости, которые можно усмотреть в историческом описании и которые выражаются словесно, не являются лишь застольными беседами наших предков, но должны пробуждать у нас гражданские добродетели. У Лукиана в книге «Об истории» [сказано]: «Собственно, все мы, друзья, за исключением немногих историков [заняты] не предвосхищаем событий в целом, которые могут быть стерты и вновь нанесены подручными средствами; здесь не хватает той тщательности, которая могла бы утвердить эти слова в памяти потомков»³⁹. Не меньше и философских заблуждений,

³¹ Гарпократ - древнеегипетский бог молчания; Гор (Хор) – в египетской мифологии сын Исиды и Осириса, скорее всего бог ясного неба; Ангерон – в римской мифологии богиня, изображавшаяся с пальцами, прижатыми к губам.

³² Хрисипп (281 - 208 до н.э.) - древнегреческий философ-стоик.

³³ Иовиан Понтан, или Джованни Понтано (1426 – 1503) - итальянский поэт- гуманист.

³⁴ Ермолай Барбар (1454 – 1493) – итальянский гуманист.

³⁵ Антонио Виперан (XVI в.) – португальский историк.

³⁶ Франциско Робортеллий (1516- 1568) - итальянский гуманист.

³⁷ Уберто Фолиет – генуэзский историк XVI в., писавший об античности.

³⁸ Эти два имени пока остаются неизвестными.

³⁹ Лукиан из Самосаты. Как следует писать историю / Пер. С.В.Толстой // Лукиан. Соч.: в 2-х т. СПб., 2001. С. 660. Ср.: «Я мог бы перечислить, мой друг, еще много других подобных историков, но, упомянув еще только некоторых, перейду ко второму обещанию — к советам, как можно написать историю лучше. Есть люди, которые крупные и достойные памяти события пропускают или только бегло

что история не вполне отделилась от древних анналов, жреческих коллегий. Такова, например, хроника правления великих жрецов у Туллия [Цицерона] в его «Выводах» книги 2 «О речи». История – не отвлечённое повествование и не хроника: каков правитель, такова о нём и память; важно, с кого начать перечисление правителей, представить римскую историю как это сделано у Муция⁴⁰: каждый верховный жрец возвещает о начале своего правления в отдельной книге, и надо перечислить их возможно большее число, помечая время правления каждого из них, сообщая о нём возможно больше; составить альбом и начертить таблицу для всеобщего сведения, чтобы народ о нём знал, – вот тогда это можно будет назвать настоящей хроникой [то, что происходит и как представляется]. И уже к этому присовокупляются увлекательные подробности и красоты, присущие разным видам описания. Так, например, у греков Ферцидидиса Эллиникуса, Акусилая⁴¹, а также у наших Катона, Пиктора⁴² и Пизона⁴³, которые оснащают риторикой не вполне ясные места. Многие из их определений весьма выразительны и умны, особенно, если они высказываются кратко. Менее всех заметен в истории один их основных героев, помощник Красса Антипатр⁴⁴, который излагает не те или иные просьбы или пожелания, а просто рассказывает. Но, действительно, если предпочесть излагать голые факты, то можно отойти по этому пути далеко от древних законов. Кассиодор верно отмечает в хронологии (гл. 17) своей книги «О божественном откровении», что краткое припоминание того, что произошло во времени и называется исторической картиной, что ее устанавливает, какой предмет наиболее интересен и по каким моментам её можно завершить, какие обстоятельства находятся далеко от основной линии развития и чем она увенчивается. Напротив, при таком подходе немного находится примечательных подробностей, составляющих фабулу: те из подробностей, которые отходят от основной линии развития, как раз и доставляют удовольствие. Достойный Семпроний Аселлион в «Агеллии»⁴⁵ (кн 5, гл. 17), происхождение которой не вызывает сомнений, – не вполне прав, утверждая, что из рассказов мальчика не составишь истории. Это преувеличение достойного автора: такое ограничение не прибавляет гражданской добродетели, любой новый взгляд обогащает историю. Всё то, что полезно, достойно воспроизводится многократно и может составить новый сюжет: так Юстиниан проповедует институты, предвосхищённые родственниками Сципиона («Наставления», кн. 2-я. Дополнение к гл. 26).

Положение о специальном выведении на первый план тонкостей драматической речи, которое выдвигает Дзабарелла в своих выступлениях, ошибочно, так как всё можно представить как речь, песню или историю, пробуждающую разум, каждый пробуждает сходное ему или ей: поэзия – поэзию, а историка создаёт своё обрамление.

упоминают о них, а вследствие неумения, недостатка вкуса и незнания, о чем надо говорить и о чем молчать, останавливаются на мелочах и долго и тщательно описывают их».

⁴⁰ Квинт Фабий Муций – верховный жрец, основатель гражданского права в Риме

⁴¹ Ферцидидис и Акусилай – греческие космографы и логографы VI до н.э.

⁴² Квинт Фабий Пиктор (254 - 201 до н.э.) - один из первых римских составителей анналов.

⁴³ Пизон - претор 211 г. до н.э.

⁴⁴ Луций Целий Антипатр (III в. до н.э.) – историк, учитель Л.Красса, преподаватель красноречия.

⁴⁵ Предполагается, что Авл Геллий выступал под именем Агеллия в сочинённых им «Антических ночах».

Не вполне можно согласиться с Дзабареллой в том, что остающееся в историческом итоге ранее уже подвергалось критике в иных обстоятельствах. Гораздо труднее применить с пользой достижения прежней истории, если осмысливать всё, что принесло развитие событий, тщательно обобщать всё, что было унаследовано историкой, в том числе отобразить используемые ею фигуры красноречия - вот тогда историка будет обоснована изнутри.

Из этого вытекает: любая история различается не как искусство и не как наука в целом, но и не как отдельный предмет или учение; но сама историка – искусство, которое может приближаться к универсалии; об истории невозможно говорить просто. Она должна обнимать что-то отдельное, иначе получается, что каждая отдельность должна получать своё завершение, чтобы найти своё место в целом, и описывать то, что собрано. Развёрнутости её как научной дисциплины, действительно, никто не отрицает. Тем самым прав Секст Эмпирик (кн. 1 «Против математиков»), когда пишет, что искусство истории не в простом собирании того, что в ней развёртывается как отдельности - истинен лишь итог: поэтому ничего нельзя отвергать [заранее]. Верно и то, что говорит Аристотель («Вторая Аналитика», гл. 3) как о завершении перемежающихся направлений: душа сама определяет свою меру, пространство истории не заключает в себе отдельные элементы, из которых образуется единство множеств⁴⁶. Отсюда: не отдельные сведения и не особая универсальность образуют - окончательную или кажущуюся таковой - историю.

Наиболее последовательным возражением против определения истории как искусства выдвигает Дж. Фр. Пико де[лла] Мирандола. [В книге, посвященной тому], как обнаруживаются изъяны при взгляде на происхождение высказываний (кн. 3, гл. 3)⁴⁷, [он пишет, что], кроме всего прочего, одно лишь собирание исторических [событий] не является искусством; в истории много вымышленных относительных истин, каждая старается высказаться сильнее; истина выбирает для себя что-то особенное у правителей, выбирает себе собственное зеркало. Таким способом

⁴⁶ Ни в главе 3 первой книги, ни в главе 3 второй книги «Второй аналитики» Аристотеля нет речи об истории. Обе главы связаны друг с другом. Речь идет в первом случае о возможности знания как такового: есть оно или его нет, во втором случае – о возможности знания через определение и доказательство, для чего необходимо знать о различии между определением и доказательством. Знания нет, поскольку нет первых посылок, нет известных, доказуемых начал. Оно есть, но только через доказательство, которое можно вести по кругу. К истории может относиться убеждение Аристотеля в том, что «не всякое знание доказывающее, а знание непосредственных [начал] недоказуемо» (Аристотель. Вторая аналитика 72b 15 – 20). Для утверждения такой убежденности Аристотель использует – в обеих главах – метод **наведения**: «невозможно, чтобы одно и то же для одного и того же было в одно и то же время и предшествующим и последующим, разве только пользуются другим способом [доказательства], основывающимся на различии между предшествующим для себя и предшествующим безусловно (впоследствии это будет как бы заново открыто в средневековье, этим различием пользуется уже Боэций и жестко вводит в аргумент о бытии Бога Ансельм Кентерберийский. – *Ред.*), каким способом дает знание наведение» (там же 25 – 30), т.е. способ, придающий направление движению мысли. Для одного существует и знание одно, а не многоэлементное. И это одно – не единство множества, а именно и только одно. Это рассуждение вполне пригодно для понимания историки и парадокса ее существования: «если знать доказываемое – значит иметь доказательство его, то отсюда вытекает нечто несообразное, так как в таком случае тот, кто имеет определение, имел бы знание без доказательства... определения суть начало доказательств», но именно «для начал нет доказательств» (там 20 – 30), следовательно, история – не слагаемые элементы, что Фоссий подтверждает следующей же фразой. – *Прим. ред.*

⁴⁷ Возможно речь идёт о его поздней работе «О предсказаниях астрологов», изданной в 1496 г.

привлекаются превратные и вовсе сомнительные истории, и они так же прекращают быть при неясных обстоятельствах и далее невозпроизводимы, поскольку, где же при изложении найти тот метод, который воспроизведёт их точно и ясно, без прежних ухищрений?

Таким образом, выходит, что, если просто собирать отдельные сведения, то история окажется не таким искусством, воспроизведение которого привлекательно. Последовательное изложение происходящего само по себе ещё не образует искусства, присущего письменной истории. Это важный критический момент, отмечаемый Мирандолой. Историка - это не то, что лишь высказывается: оно выражается и в письменной речи, несущей в себе грамматику, и обращается к многозначности, которую сама и осмысливает.

Литература

- Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т.1. М., 1975.
- Карпов В.Н.* Жизнь и сочинения Платона // *Платон*. Соч.: в 6-ти т. Т. 1. СПб., 1863.
- Корнелий Тацит*. *Анналы* // Корнелий Тацит. Соч.: в 2-х т. Т. 1. Кн. 13. СПб., 1993.
- Лукиан из Самосаты*. Как следует писать историю / Пер. С.В.Толстой // .Лукиан. Соч.: в 2-х т. СПб., 2001.
- Письма Плиния Младшего. М., 1982 (<http://krotov.info/acts/02/01/pliniy.html>. - Дата обращения 12. 12. 2017).
- Ранние отцы Церкви. Антология. Брюссель, 1988.
- Тронский И.М.* История античной литературы. Л., 1946.
- Цицерон*. О нахождении // Эстетика. Трактаты. Речи. Письма / Пер. Г. Кнабе. М., 1994.

References

- Aristotel' [Aristotle] In: Soch.: v 4 t. [Collected works in 4 vol.] Vol.1. Moscow, 1975. (In Russian)
- Karpov V.N. Zhizn' i sochineniya Platona [*Life and Work of Plato*] In: Platon. Soch.: v 6-ti t. [Collected works in 6 vol., V. 1.] St. Petersburg, 1863. (In Russian)
- Kornelii Tatsit. Annaly [Tacitus. Annales] In: Kornelii Tatsit. Soch.: v 2-kh t. Т. 1. Кн. 13. [Collected works in 4 vol., V.1, Book 13] St. Petersburg, 1993. (In Russian)
- Lukian iz Samosaty. Kak sleduet pisat' istoriyu [*Lucian of Samosata. How to Write History*] Translated by S.B.Tolstaya. In: Lukian. Soch.: v 2-kh t. [Collected works in 2 vol.] St. Petersburg, 2001. (In Russian)
- Pis'ma Pliniya Mladshego. [*Pliny the Younger. Epistulae*]. Moscow, 1982 (<http://krotov.info/acts/02/01/pliniy.html>. - Accessed on 12. 12. 2017). (In Russian)
- Rannie ottsy Tserkvi. Antologiya. [*Early Church Fathers. Anthology*]. Brussels, 1988.

Tronskii I.M. Istoriya antichnoi literatury. [*History of Antique Literature*] Leningrad, 1946. (In Russian)

Cicero. O nakhozhdanii [*De Inventione*] In: Estetika. Traktaty. Rechi. Pis'ma [Aesthetics. Treatises. Speeches. Letters]. Translated by G. Knabe. Moscow, 1994. p. 52-56. (In Russian)